

ГЛАВА II

ПОЛЕТ НА ДИРИЖАБЛЕ

Утром Ленни проснулась в смятении. Что? Куда? Неужели она действительно увидит знаменитый дирижабль? Лишь две недели тому назад пришло письмо от подруги Лизхен из Германии с размытыми от слез строчками: все травмированы падением дирижабля, следовавшего по маршруту Гамбург – Франкфурт. Но какие же они красивые, эти воздушные машины!

Эйсбар стоял на вышке деревянной конструкции, увенчанной полосатым флагом, смотрел, как мчится по полю и внезапно застывает перед дирижаблем. Ленни и улыбался непонятно чему. Ветер развернул колпак флажка в другую сторону. И вдруг Эйсбар резко потерял интерес к громадной неповоротливой махине, парящей над землей. Серый огурец в небе – это скучно. Снимать его скучнее, чем торговку семечками с Палашевки. А теперь еще ждать конца съемки... Эйсбар был нетерпелив. Таков уж он – если объект интереса менялся, вернуть его силой было почти невозможно. Эйсбар начинал маяться, а его лицо приобретало брезгливое скучающее выражение. Он продолжал смотреть на маленькую, запрокинувшую голову, фигурку посреди поля. По лицу его блуждала усмешка. Он щурился. И непонятно ему было, над собой ли он иронизирует, над этой нелепой букашкой в шубе и островерхом колпаке, или еще над кем. Большими и указательными пальцами обеих рук он сложил квадрат – видоискатель, через которой привык «забирать» кадры: нужно – не нужно, будет смотреться в рамке экрана – не будет. Сейчас в квадратике помещалась она – Ленни. Эйсбар протянул руку, как будто хотел подхватить ее. Мелькнула мысль: какой кадр! Большая рука от ближней части кадра, с крупного плана, зачерпнула какую-то мелочь в глубине экрана. Игра с масштабами последнее время очень его интересовала, он вычерчивал схемы, делал чертежи. Он прикинул, что по отношению к нему масштаб Ленни составляет примерно 1:2, и все продолжал тянуть к ней руку. В голове звучало дурацкое слово «длань».

Эйсбар быстро сбежал по бревенчатым ступенькам вниз и тут же оказался в центре поля, возле Ленни. Вокруг нее вились два летчика – хохотали, болтали, один, иностранец, лопотал что-то на незнакомом языке («Не шведский ли?») - раздраженно подумал Эйсбар) и Ленни вторила ему, придерживая полы шубки, шляпу, очки, все-все-все, что норовило слететь с нее и устремиться ввысь, к дирижаблю. Эйсбар подхватил стрекозы очки:

- На вас все тут смотрят как на диво дивное, - отчего-то с неприязнью сказал он.

- Это потому что у меня шляпа настоящего воздухоплователя, - ответила Ленни и почему-то застеснялась. Что-то новое, незнакомое было в его голосе. Она не успела понять... Он тоже смотрел на нее как на диво дивное, взглядом вытаскивая из мехового кокона иную Ленни, какую он еще не знал. Что в ней изменилось со вчерашнего дня? Может быть, дело в этой шубе, которая совершенно ей не идет? Не ее стиль. И глаза у нее сегодня какие-то стрекозы – быстрые, ускользающие. Почему она на него не смотрит? И тонкая шейка так жалобно торчит из мехового воротника. Шарф, конечно, забыт дома. Эйсбар кашлянул и взял обычный иронический тон.

- Послушайте, милая Ленни, давайте-ка вы сегодня будете главной. Движущееся пространство – это же ваша стихия.

У Ленни глаза полезли на лоб.

- Эйсбар, у вас температура? Хотите мою шапку?

- Да нет, в самом деле. У меня плечо болит – вчера отмахал со штативом несколько километров, так сегодня нет ни сил, ни желания управляться с этой камерой. Готов передать ее в ваши надежные пальчики.

Ленни не сводила с него удивленных глаз и вдруг, словно проснувшись, затараторила:

- Отлично, отлично, отлично. Будем снимать с земли или лучше с самолета, который полетит параллельно дирижаблю. Еще можно с воздушного шара...

- Вы его здесь видите? – осведомился Эйсбар.

Теперь его действительно охватило нетерпение. Он вспомнил, что успел утром на кинофабрике выпить со Студенкиным стакан хереса (обсуждали новый проект) и, видно, поэтому стал прямее в желаниях. Или дело в другом?

- Ну, хорошо, как же его снять... как же снять... – бормотала Ленни, проносясь под грузным телом дирижабля. – Ага, вот что. Я лягу с камерой на землю – пусть он сначала займет весь кадр и постепенно, медленно-медленно начнет подниматься в воздух. Возникнут его очертания... - не жалея теткиной шубы, Ленни быстро и как-то очень ловко и удобно улеглась на землю, поставила на себя камеру. «Не раздавила бы себя этой камерой», - подумал Эйсбар, молча глядя на Ленни сверху. Летчики ушли что-то проверять по технической части, и они остались вдвоем.

– Потом я сяду с камерой в автомобиль, – продолжала Ленни лежа, – который будет двигаться по летному полю параллельно нашему воздушному тюленю. Тогда я смогу передать его грузное и грустное движение. В общем, нужен автомобиль, - заключила она, вскочила с земли и ринулась к павильону на краю летного поля. Споткнулась около Эйсбара – он протянул руку, не давая ей упасть, она ударилась о его грудь, отшатнулась и побежала дальше.

Он смотрел ей вслед. Станным образом он воспринимал происходящее как в замедленной съемке. Даже произносимые слова казались растянутыми. Скорей бы уж она сняла. Он хотел положить ладонь на ее тонкую шейку прямо сейчас. Притянуть к себе. Он уже понял, что под теткинским меховым пальто на ней очередной маскарадный костюм – так он трактовал наряды Ленни, – тонкая ткань, а белья на ее мальчишеском теле, понятно, немного. Схватить эльфа, вытянуть его из кокона шубы. Целовать. Вертеть вертихвостку во все стороны. Она отдастся. Он уверен. Его бросило в жар. Фантазия работала на редкость быстро.

И тут в негу, заполонившую поле, в мягкий воздух, оставленный туманом и еще добрее, сговорчивее поддерживающий готовый к путешествию летательный аппарат, ворвались сокрушительные вопли. Эйсбар медленно повернулся в сторону криков.

- Дура! Дура! Дура! – кричала Ленни, молотя кулачками по шубе.

Эйсбар приблизился к ней.

- В чем дело?

- Камера! Я уронила камеру! – захлебывалась Ленни. Слезы лились у нее из глаз. Камера валялась на земле. Эйсбар поднял ее, укрепил на штативе, начал крутить ручку. Камера застонала. Пленка не проворачивалась вхолостую. Ленни рыдала. Интуиция успокаивала ее, подсказывая, что вышел из строя какой-то небольшой винтик. Интуиция успокаивала, но сама Ленни успокоиться не могла. Слезы лились нескончаемым потоком. Эйсбар вытащил носовой платок, схватил Ленни за меховой воротник, приподнял и приставил платок к носу.

- Сморкайтесь!

Ленни высморкалась и потихоньку начала затихать. Подошли летчик и техник.

- Съемка отменяется! – сказал Эйсбар. – В следующий раз.

Летчик и техник пошептались.

- Если барышня хочет, вы можете полететь с нами. У нас сегодня пробный полет – никого кроме экипажа.

Ленни, утирая слезы, кивнула. Она хочет. Летчик взбежал по шаткой приставной лесенке, щеря белые зубы, протянул Ленни руку. Она тоже улыбнулась и начала ловко подниматься. Эйсбар нахмурился. Машинально сунул в рот папиросу.

- На борту курить не положено, - сказал техник. – Взорваться может. Вы папиросы и спички оставьте, потом заберете, когда сядем.

Эйсбар не глядя сунул ему коробку папирос и спички и полез наверх.

А летчик уже показывал Ленни хозяйство.

- Вот тут у нас ресторан. И кухня имеется. Если решите совершить перелет до Санкт-Петербурга, имейте ввиду, у нас прекрасный повар, француз. Готовит консоме – пальчики

оближете, - шептал летчик на ушко Ленни, поддерживая ее под локоток. – А тут гостиная. Извольте видеть – рояль, изготовлен из алюминия для облегчения веса. Каюты пассажирские очень удобные, со спальными местами. – Он открывал двери и демонстрировал Ленни мягкие диваны, кресла, душевые кабинки и ватерклозеты, оборудованные по последнему слову техники.

- О-о! Тут и гулять можно! – удивлялась Ленни.

- А как же! Две прогулочные палубы. Публика очень довольна. Можно совершать моцион прямо в небе, любуясь сверху панорамами земной поверхности.

- Послушайте, а как эдакая махина летает? Ведь у нее же нет крыльев! – интересовалась Ленни.

- А она легче воздуха.

- Легче воздуха! – ахала Ленни. – Разве так бывает?

- Бывает, бывает, - смеялся над ее наивностью пилот. – Мы в Америке закупаем самый лучший гелий.

- И какую же скорость развивает ваш воздушный корабль?

- До северной столицы доведет за пять часов. Причем, без всякой тряски и шума.

Приготовьтесь, сейчас будем взлетать.

Канаты ослабили, затем отпустили совсем, дирижабль оторвался от причальной мачты и стал медленно подниматься. Как только Ленни почувствовала, что из-под ног ушла опора, она заволновалась. Волнение окутывало ее на манер злобного вихря, который влек дальше, к чувству более неприятному – страху. Они с Эйсбаром сидели рядом в низких мягких креслах в небольшом салоне, который назывался «Небесные звуки». Ленни сосредоточенно смотрела в окно на удаляющуюся землю и сжимала кулачки. Эйсбар смотрел на нее и выстукивал пальцем правой руки ноты – брал все выше, выше, выше... Они уже были на приличной высоте, когда у Ленни началась паника. Вдруг ей стало ясно, что раз ничего их не держит на земле, то их как бы и нет уже, не существует в природе, что они попали в несуществующее «между». Страх оглушил ее. За окном пролетело шустрое облако. Ленни застучала в окно. Выйти нельзя. Ленни схватилась за голову и застонала, начала озираться в поисках выхода, взгляд ее упал на Эйсбара, и она бросилась к нему, вцепилась в его руку, откинулась головой к спинке кресла, не понимая всей провокационности своих жестов.

Молниеносно – как будто ждал знака - он взял обе ее руки, накрыл ладонью, пробежал пальцами по ее пальцам и те сразу ожили, ответили на его призыв. Ленни глубоко вздохнула. Эйсбар хотел повернуть кресло так, чтоб она оказалась напротив него, но кресло было накрепко привинчено к полу. Дирижабль качнулся. И Эйсбар тоже качнулся в сторону Ленни. Ленни смотрела на него снизу, глаза ее чернели от ужаса, ей было стыдно за свой страх и окончательно сладко от прикосновения его рук. Она уткнулась в его плечо лбом, потом приникла вся, и страх отодвинулся: нашлась другая сила тяжести, не земная, новое устройство координат. Эйсбар уже освобождал ее от шубы, гладил шею, спину, находил застёжки китайской рубашечки, успокаивал и накалял одновременно.

- Эйсбар, мне не очень нравится эта идея, - пролепетала Ленни.

- Это не идея, это материя, - отшутился он.

- Мы же партнеры... - продолжала она шептать, облепляя его нехитро тонким слоем своего тела. – Нам нельзя такое... Я, кстати, видела пропеллер на картине Сальвадора Дали – он растекся как тянучка и облепил крыло...

- Да не болтайте вы, ради бога! Как бы вас не сломать, вы же совсем хрупкая... фарфоровая...

- Фарфоровые осколки...

Эйсбар посмотрел на переборку двери в музыкальный салон – вместо замка на панели красного дерева красовался бархатный бант, который он успел накинуть на серебряный крючок. Вполне знак, если кто-то вздумает войти. Он думал, что, вероятно, должен свою бывшую ассистентку и партнершу, а ныне... как назвать... он пока не знал... спросить о

том, был ли у нее уже подобный опыт... спросить непременно... чтобы не сделать больно... Но путь их друг к другу, который тянулся полтора года, наконец закончился. Они были вместе. Ленни плавила. Иногда, когда взгляд ее падал на окно, она видела кольца новой башни Татлина, маковки церквей, островерхий подмосковный лес, пухлые тюфяки облаков и таяла в руках Эйсбара, исчезала из поля своего зрения и осязания, целуя его руки, лицо, шею, все, что находила губами, но тут обнаруживала себя в его глазах и тогда на мгновение материализовывалась в салоне «Небесные звуки», пристально смотрела на Эйсбара, прикрывала ему рот ладошкой – он стонал, хвалил ее, вскрикивал громче, наверняка громче, чем позволительно в этом небольшом пространстве. И все это будет теперь его... только его... когда он захочет... стоило ждать... Такими были в эти минуты лихорадочные мысли Эйсбара.

Пилот и техник минут десять назад действительно переглянулись и перемигнулись, прислушиваясь. Сегодня они дали себе слово виски в полете не пить, хотя хрустальные стаканы, лед и бутылка были наготове – на случай особого сосредоточения. Техник выразительно повел глазами в сторону музыкального салона, потом указал на бутылку, как бы спрашивая, не предложить ли пассажирам в столь откровенные минуты выпить. - Давай, - сказал летчик. – Когда угомонятся.

Через полчаса они приземлились...